

Интервью Николая Толстикова «Независимой газете»

Михаил Бойко

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЬ И ГИБЛЫЕ ПРЕВРАТНОСТИ

Николай Толстиков пишет без придурашливых вздыханий и натужной слезливости

Николай Александрович Толстиков (р. 1958) — писатель. Родился в городе Кадникове Вологодской области. После службы в армии работал в районной газете. Окончил Литературный институт им. А.М.Горького в 1999 году (семинар Владимира Орлова). В настоящее время — священнослужитель храма святителя Николая во Владычной слободе города Вологды. Публиковался в газетах «Литературная Россия», «Наша Канада», «Горизонт» (США), журналах «Наша улица», «Русский дом», «Вологодская литература», «Север», «Лад», «Крещатик» (Германия), «Новый берег» (Дания), «Венский литератор» (Австрия), альманахе «литрос», коллективных сборниках, выходящих на Северо-Западе. В Вологде издал две книги прозы «Прозрение» (1998) и «Лазарева суббота» (2005). Победитель в номинации «проза» международного литературного фестиваля «Дрезден-2007», лауреат «Литературной Вены-2008».

— Николай Александрович, какие ощущения у вас остались от работы в районной газете?

— Учился противостоять... Вернее, началось это с нашей сельской школы с производственным обучением, где было нонсенсом, что мальчишку интересуют не трактора и доильные аппараты, а что-то совсем другое. Мальчишка-то обычный, ничем вроде не выделяющийся из всех, хулиганист и ленив на уроках в меру, разве что тихоня и шумные игры его не влекут. И первые рассказы его на страницах «районки», безобидные этюды о природе и о разных житейских мелочах, вызывают у товарищей учителей сначала недоумение, а потом гневный протест. Как, этот двоечник и прогульщик, смеет заниматься сочинительством, да это же для доблестного коллектива школы «диссидент»! Ату его! И летит редактору газеты из школы письмецо: дескать, не плагиатора ли вы, уважаемые товарищи, пригреваете. Где ему со скудным его умишком рассказы и заметки писать, на уроках он молчит, как партизан на допросе, и в точных науках дундук дундуком. Редактор, как истинный партийный ортодокс, дает подчиненным задание: искать! И вот целая редакция старательно роется в книжках и журналах, какие попадутся под руку. Да, не переводились никогда на Руси чудики!.. Время идет, «прищучить» его, гаденыша, не удается, и остается обескураженным наставникам скрезь зубы презрительно именовать бедолагу «бумагомараклой» и уж читать или не читать его описи. Благодарен я своим учителям: стоять за себя научили будь здоров! Пригодилось потом в «районке», да и не только там...

Районная газета 80-х годов была тогда самым «передком», дальше для журналиста — некуда. Не трогай только горком или райком КПСС, чьим «органом» она тогда являлась, и пусть горкомовская шантрапа смотрит на тебя свысока и как на какую-то козявку, остальную «номенклатуру» ты можешь пушить так, что только перья летят. Недаром и в песенке застольной мы пели: «Взлетают и слетают с постов директора! Им в этом помогают волшебники пера...» Совались смело, во все дыры, тех, кто с прохладцей или трусил, еще и сам редактор подгонял. Он же и обрубал того, кто лишка зарывался: «Не лезь куда не надо! Помни, партия — наш рулевой!» Славный человек, он один из газетных редакторов области стал на защиту ГКЧП и поплатился, простым школьным учителем потом пропитание себе добывал.

Задыхается городишко от выбросов в атмосферу двух целлюлозно-бумажных комбинатов, а ему еще добавок на окраину гидролизный завод ставят — журналисты затевают «бузу» и что же? Завод перепрофилируют в менее вредное производство. Памятник природы — Лисьи горы норывают искверкать карьерами для добычи песка, газета вступает — и отстают варвары домашнего разлива. Кто-то воют с «ветряными мельницами», а кто-то выясняет, почему это энной гражданочке в прачечной рейтузы не того размера подсунули и радостно рапортует читателю о своем успехе. Но, кроме смеха, газету простой народ, особенно сельский, уважал и за «жисть» потолковать с корреспондентом считал за честь: однако, поболее иного начальства сей индивидуум будет! И чинуши боявались, не любили, когда о нечистых делишках на страницы газеты выплескивалось.

Конечно, время сейчас иное. И заводишко тот спорный сам по себе «загнулся», и Лисьи горы шустряги приватизировали и в качестве песка развезли и распродали; газету теперь в народе презрительно именуют «свистком» или чем попохабнее. И вправду стала она беззубой, карманной у местной власти, полисташешь подшивку и — «всюду тишь да гладь, да Божья благодать!» Как в другой стране живут! И приходится напрягаться и скорбеть о народной жизни одиночке-писателю, ежели таковой в городишке имеется.

И все-таки годы боевой «газетной» юности во мне «осели» прочно, лучшей «школы жизни», как бы ни трафаретно это звучало, на мой взгляд, нет для начинающего писателя, хотя, собственно, жизнь-то нас начинает учить от самого нашего рождения, желаем мы того или нет.

- Повлияла ли учеба в Литинституте на выбор пути священнослужителя? Как вообще произошел такой жизненный разворот?

- При редакции обреталось довольно сильное литобъединение, не «божьи одуванчики» собирались погоны чайку и порасхвалить «вириши» друг дружки, ребята и девы были крепкие. Планку на обсуждениях держали будь здоров, халтуру освистывали. Недаром, потом вышло аж четверо членов Союза писателей, это из обычной-то «районки»!

Я, еще молодой-зеленый, тоже себя, грешным делом, ба-альшим писателем вообразил, засел за свой первый роман. К тому моменту по семейным обстоятельствам перебрался на жительство в Вологду, в «многотиражке» при строительно-мобилизационном порабатал да вскоре сбежал: не тебе районная газета, скука смертная! Взялся сторожить турбазу на берегу реки. Поглазел на звезды в небе и - за рабочий стол. Место действия - родной городишко, прототипы - родня и соседи. Назвал коротко и резко «Угар». Из журналов тогда еще отвечали. И меня из «Севера» славно отфутболили: мол, товарищ дорогой, людишки у вас романе серенькие и никчемные, в дерьме по уши погрязли и выбираться не думают, им бы только по лопате в руки и самозакапываться. А где у вас положительный образ молодого рабочего?! Вот чего не было так не было, хоть убейся! И забросил я с горя свое первое дитяще в дальний ящик стола в своем родовом имении, и провалялось оно там почти двадцать лет, пока «свет» не увидело в долгожданном журнале «Вологодская литература», начавшем выходить в прошлом году.

Меж тем в ночах на турбазе я не только пластал свою «нетленку», я увлекся романами Дмитрия Балашова из серии «Государи московские». Вот где звучала настоящая симфония личности и Бога, государства и церкви! Может, и чересчур сказал, но большего, лучшего мне не встречалось в последующей прозе. Многие мне, человеку светскому и долго бежавшему, «задрать штаны», за комсомолом, было непонятно, неясно. Историей я интересовался всегда, но в советских учебниках и историографиях о церкви, о Боге было сказано до обидного мало, да и написано в соответствующем духе: мракобесы, реакционеры... Какой-либо литературы вообще не было, это сейчас - море разливанное! Как я радовался, когда с робостью зайдя в восстанавливаемый храм, приобрел невзрачный, на серой бумаге, репринт «Закона Божьего»! Тут же в ящике с песком (подсвечниками еще в храме не обзавелись) поставил свечу и неумело перекрестился... Ничего на меня не упало, не прилепнуло или воображение чем-то сверхъестественным поразило. Тогда, в начале девяностых, хотя у нас танки, как в Москве, не стреляли, но сумятица в душах и умах была. А что бывает, когда по зыбучему болоту идешь? Верно, ищешь твердый берег, чтоб не засосало в трясину. Вот таким берегом для меня и стало православие. От книжной премудрости к возрастанию в духовной.

В Литературном институте я учился уже будучи священнослужителем. Все пять заочных лет. Насколько я знаю, сейчас не так и уж мало выпускников института разных лет, принявших духовный сан и не бросивших перо. Но учился, заканчивали Литинститут они еще в «советскую эпоху», тогда меня к дому Герцена на Тверском бульваре, 25 и на пушечный выстрел не подпустили бы. Я учился в 90-е годы. Вначале мое нахождение в студентах сего учебного заведения вызывало недоумение, ехидные ухмылки, даже неприятие, скажем так: «отдельной части лиц», и в Москве и у нас в Вологде. Еще бы, среди студенческой братвы, славящейся своими вольными нравами, затесался скромный «служитель культа»! Но в нашем семинаре Владимира Орлова занимались и балерина, и летчик, и доктор. Потом все как-то притерпелось, притерлось, да и к концу двадцатого века в России вряд ли чем можно было любого человека удивить.

- Какие книги сейчас лежат у вас на письменном столе? Что вы вообще в последнее время читаете?

- Естественно, Святое Евангелие. А читаю и перечитываю книги Виктора Петровича Астафьева, в чем-то считая его своим учителем. Исторические романы Дмитрия Балашова, Валентина Пикуля. Произведения и дневниковые записи Чехова. Читаю статьи критиков Валентина Курбатова, Михаила Лобанова, Андрея Немзера. Из современных прозаиков я бы не сказал, что кем-либо особенно увлекся. Интересна мне проза Олега Павлова, Михаила Тарковского, Владимира Крупина, рано погибшего Вячеслав Дегтева. И православных писателей вниманием не обхожу, но это, как говорится, «внутрицерковное».

- Для кого вы пишете? Ведь прототипы ваших героев, скорее всего, не прочтут ваши произведения?

- Я долго не мог найти «свой журнал». Издания типа «Москвы» отделялись молчанием, там нужна благосклонность, лубок, и, как в старые номенклатурные времена, «позитивуха». На одном литературном семинаре в Вологде мне прямо так и заявили московские руководители: «Больно Бог-то у Вас, батенька, суров!» Так Он и спрашивает за грехи и прегрешения сполна. Конечно, легче представить Его таким добродушным бородастым старичком, сидящим на облаке. И раз в году, забежав мимоходом в храм, поставить свечку и, начитавшись всяких околорасправославных книжек - сейчас их выходит пруд пруди, ощутить себя таким всезнающим христианином и начинать поучать попов, как надо служить в церкви, а уж пишущего священнослужителя и подавно поучать как надо писать.

Совершенно отличается в этом плане Юрий Александрович Кувалдин. У него стремление не затоптать неведомого автора, а наоборот, помочь встать тому уверенно на крыло, ободренному добрым словом и советом. В кувалдинской «Нашей улице» у меня опубликовано большинство моих повестей и рассказов. И что напишешь свежее, смело отправляешь туда, знаешь, что без внимания не останется.

В Вологде у нас, наконец, появился достаточно независимый журнал «Вологодская литература». Отраднo, что в первых пробных выпусках помимо набивших оскомину местных писательских имен проглядывает и новая литература, хотя пока, в основном, тех, кто в свое время «не пробился».

А что до того, прочтут ли прототипы моих героев мои произведения... Так они почти все входят в так называемую «группу риска», где долго не живут, а уж тем более по библиотекам не ходят. Но... среди падающих и падаших и готовых упасть всегда есть человек, пусть и балансирующий на грани, но ищущий путь к Богу, хватающийся за это, как утопающий за последнюю соломинку. Вот для таких людей и моя проза. Поможет кому-то, буду счастлив.

Еще заметил: прозу мою охотно читают вполне благополучные дамы предбалзаковского возраста. Что уж

их там «цепляют»? Но это спешим на загадку женской души.

- Тяжело ли вам вживаться в своих героев - среди которых много пьющих, блудящих, бесчинствующих?

- «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные». Не случайно сказано в Евангелии. О здоровом правильном человеке, вероятно, писать радостно и легко, чем опускаться до самого дна, описывать его обитателей. Хотя, впрочем, нет. Труднее описать человека, выбирающегося с этого самого дна, карабкающегося, обрывая ноги, в гору. Скатиться-то легко, усилий не надо.

А что вживаться? Если что-то в молодости перепробовано, пережито на собственном хребте. Если с рождения до зрелых лет прожито в крохотном городишке, где все жители на виду, просвечены, как рентгеном. Ничто не спрячется, любая тайна рано или поздно раскроется. Меня порой упрекают за мрачноватые тона в прозе, но это - только чисто человеческая тоска по светлым сторонам жизни вперемежку с горечью от созерцания прискорбных сторон жизни и гиблых превратностей судеб обитателей русского «глубинного» городка.

- Чем объясняется большое количество сквозных героев в ваших рассказах и повестях?

- Не хватило духу написать роман, вот и иной герой мой неприкаянно кочует из повести в рассказ, из рассказа в повесть. Как в повседневной жизни. Не ограничивается же она отрезком похода в булочную за хлебом и обратно, пусть и живописным, может быть. В «шкуре» сквозного персонажа у меня скорее - второе «я» самого автора. Куда ж от себя, любимого, денешься?

- Вам нравится религиозная поэзия?

- В первую очередь отметил бы иеромонаха Романа (в миру - Александр Матюшин). Вот где духовная мощь... А так, как только стало модно и безопасно, целое скопище поэтов ломанулось к небесным высотам, готовое запорхат ангелочками. Но это куда бы ни шло, «всякая тварь радуется и Бога славит», но кое-кто готов примерить на себя и Христовы страдания. Естественно, виртуально.

А всего лучше поэзия разлита во всех песнопениях церковной службы. Тут уж ничего равного нет. Заходите в храм, подольше постоите возле клироса... Вначале, может быть, и не совсем понятен для новичка церковно-славянский язык, но сердце-то поймет, услышит.

- Попадались ли вам книги современных авторов, описывающих свой опыт воцерковления?

- В начале это были произведения Владимира Крупина, в последние годы немало еще интересных авторов мне встретилось. Священнослужители Николай Агафонов и Ярослав Шипов - прекрасные рассказчики, чувствуется, что пишут, опираясь на собственный церковный опыт, проза не «высосана из пальца» и нет желания выдавать желаемое за действительное. Нет и придурашливых воздыханий, натужной слезливости, чем часто грешат иные, пытающиеся зачислить себя в «православные писатели».

Из мирян, значимо описывающих путь воцерковления себя ли или своих героев, заметны — Олеся Николаева, «матушка», Василий Дворцов, тюменец Сергей Козлов. Я с удовольствием прочел одну из его последних вещей «Зона Брока».

Не сбросишь теперь со счетов и интернет: создан портал православных писателей и поэтов «Омилия». Здесь размещают свои рассказы и стихи, как и пробующие еще только свое перо авторы, так и маститые уже, как протоиерей Николай Агафонов.

Но есть и немного «другого» направления книжки, к примеру нашумевший «Патерик» Майи Кучерской. Я понимаю желание автора резать правду- матку, показаться оригинальным, но пахнет временами от текста пресловутой «пятитеткой безбожия». Или подобные авторы стремятся «достать» до Николая Лескова. Так у классика никогда не было стремления вывалить какого-нибудь служителя культа в грязь. Зрите в корень!

А в целом... Много в творчестве современных православных авторов в самом хорошем понимании слова - «тактического», работы на деталь, а вот пока - «стратегического»... Будем ждать.

- Вы согласны с тем, что «светское искусство по своей сути демонично»?

- Один батюшка никогда не ездил в троллейбусе по той причине, что троллейбус-то рогатый! Ходил пешком. Так вот и светское искусство можно считать и исчадием ада и порока, а можно находить в нем светлое и радостное для души. От самого человека, на мой взгляд, зависит, от его мировоззрения, духовности, воспитания, наконец.

Когда я поступал в Литинститут, на собеседовании меня тогдашний ректор Сергей Есин спросил: «А что вы будете делать, если по ходу учебной программы вам придется знакомиться с произведениями, к которым в церкви относятся негативно?» Знакомиться надо, куда денешься, а уж воспринимать их или нет, мое личное дело. На том и договорились.

- Сталкивались ли вы в повседневной жизни с тем, что можно объяснить только как чудо?

- Ой, с чудом поосторожнее! Церковь на это смотрит с немалой опаской, всегда в смутные времена появлялись и лжепророки, и ясновидящие, всякие кликуши, виделись кому-то какие-то знамения. При ближайшем рассмотрении чаще всего это оказываются проделки от лукавого. Кому спяну или в сильном душевном волнении не поблзнит чего? За свою служебную, почти семнадцатилетнюю практику, я с какими-то яркими небывалыми выражениями чудес не сталкивался, кривить душой не буду, советую все-таки положиться здесь на упование матери-церкви.

- Может ли еще что-то спасти Русский Север?

- Слово Божие! Вновь пронесенное по градам и весям после коммунистического и постперестроечного беспредела. Ничто не спасет, «...ни царь и не герой!» Только Бог!